Андрей Гончаров

Генеральная репетиция

Андрей Гончаров

Генеральная репетиция

«Издательские решения»

Гончаров А.

Генеральная репетиция / А. Гончаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837855-3

Штурм Грозного, предпринятый 26 ноября 1994 года силами подразделений временного совета Чечни (оппозиции) при поддержке российских военнослужащих, провалился, оставив много вопросов. Книга основана на реальных событиях и воспоминаниях участников штурма. Имена и фамилии главных героев изменены.

ISBN 978-5-44-837855-3

© Гончаров А.
© Издательские решения

Содержание

1 6
2 19
3 23
4 27
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Генеральная репетиция

Андрей Гончаров

Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть, – но это ещё не конец. Св. Евангелие от Марка.
Глава 13:7

Корректор Татьяна Исакова
Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Андрей Гончаров, 2017
© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7855-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время. Как в двух словах объяснить суть этого физического и философского понятия одновременно? Что это: условная мера движения материи или одна из координат, вдоль которой выстраивается ход мировой истории, жизнь всего живого на земле? Одно можно сказать точно – что время характеризуется своей однонаправленностью. Это необратимое течение, утверждают философы. Да, они правы, но только до той поры, пока не изобретена машина времени, но это пока из области фантастики. А кто или что мешает нам в своих воспоминаниях вернуться во времена своей молодости или в своих фантазиях переместиться в будущее? Никто и ничто, ибо полёт наших мыслей и воспоминаний не остановят никакие границы, преграды и запреты. Но согласитесь, было бы хорошо вернуться в прошлое и, опираясь на опыт прожитых лет, не то чтобы изменить, а хотя бы подправить некоторые эпизоды своей жизни, изменив или отменив некоторые решения себя молодого и амбициозного. Но, увы, сделать это, к сожалению, невозможно.

1

Будильник зазвонил как обычно – без десяти семь утра. Матвей проснулся, но чтобы отключить трель, ему нужно подняться с дивана, подойти к тумбочке с телевизором и нажать на клавишу часов. Так было задумано. Несмотря на то, что тело уже находится в вертикальном положении, остатки сна всё ещё не отпускают сознание, а глаза упрямо не хотят открываться. Сколько раз, тяжело просыпаясь по утрам, он говорил себе, что сегодня ляжет спать раньше. И что же? Каждый раз время отбоя отодвигалось ближе к полуночи. То по телевизору покажут добрый старый фильм, то нужно что-нибудь приготовить поесть на несколько дней вперёд или заняться постирушками. Такова жизнь холостяка. Наступает утро следующего дня, снова звонит будильник, ругая себя и его, приходится вставать, через силу открывать заспанные глаза и нести «ватное» тело в ванную комнату для умывания. И так каждый день, кроме выходных, которые бывают редко.

Умывшись и приняв прохладный, бодрящий душ, Матвей включил магнитофон (была у нашего героя такая привычка – обязательно должен присутствовать музыкальный фон). Позавтракал и начал собираться на службу. Одеваясь, выглянул в окно, посмотрел на показания уличного термометра.

«Минус пять. Для первых чисел ноября – нормально», – подумал он.

Минут через пять из подъезда хрущёвки вышел молодой военный в полевой камуфлированной форме. Это был лейтенант Матвей Горбунов. Быстрым шагом он пошёл в сторону автобусной остановки, навстречу ещё одному дню из разряда «серые армейские будни». Его и других офицеров и прапорщиков, живущих в городе, забирала дежурная машина, автобус на базе армейского автомобиля «Урал».

С автобусной остановки был замечательный вид на набережную города Юрьева, за невысоким парапетом которой открывался шикарный вид природы противоположного правого берега. Склоны его холмов были густо покрыты колючей шубой векового елового леса. Зелёные лапы елей припорошены ещё чистым ноябрьским снегом. Всё это природное великолепие величественно смотрелось в первых лучах восходящего солнца, на фоне морозного безоблачного неба. До приезда дежурной машины оставалось пять минут, поэтому Матвей мог позволить себе дистанцироваться от шума просыпающегося города и созерцать сие великолепие. Два раза в день он смотрел на эту красоту, думая о том, что надо бы летом обязательно наведаться на тот бережок. Взять удочки, купить мяса и хорошего красного вина, поставить палатку в каком-нибудь уютном, безлюдном местечке и забыться на несколько суток от мирской суеты в объятиях какой-нибудь красотки. Почему какой-нибудь? Есть на примете одна девушка из медицинской роты. Дело за малым: наладить с ней отношения.

Би-и-бип! Неожиданный и громкий автомобильный сигнал вернул его в реалии окружающего мира. Матвей даже выругался в душе: «Нет, ну что за люди, а? Помечтать не дадут».

– Горбунов! Ты оглох там, что ли? – прозвучал знакомый властный голос.

Матвей повернул голову и увидел командирский УАЗ.

– Бегом в машину! – крикнул высунувшийся из приоткрытой передней двери командир бригады полковник Самсонов.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – сказал Матвей, втискиваясь в заднюю пассажирскую дверь. – Стою, задумался, вот на сигнал внимания и не обратил.

– А я думал, спишь стоя, – хохотнул комбриг. – А ты чего стоишь, глазами хлопаешь? Или тоже уснул? Поехали, – переключился он на водителя.

Отдельная сто четвёртая гвардейская мотострелковая бригада с казармами, бытовыми и хозяйственными постройками, огороженной территорией парка со стоянками техники,

складами и хранилищами располагалась на вершине самого высокого в городе холма, а если говорить военным языком – занимала господствующую высоту. Там же был военный городок, в котором офицерам и прапорщикам хоть и не сразу, но давали квартиры. Но это только для семейных. Холостяки, такие, как Матвей, и ждущие своей очереди женатики были вынуждены снимать квартиры в городе и каждое утро карабкаться в гору, чтобы отдать священный долг Родине.

– Ну что, лейтенант, не передумал переводиться в училище? – спросил комбриг, повернувшись вполоборота.

– Не передумал.

– А я с кем останусь служить, с пиджаками[1]?

– Товарищ полковник, вы так говорите, как будто в штабе округа уже подписан приказ о моём переводе. Или я чего-то не знаю?

– Во как оживился! Успокойся! Приказ ещё не подписан.

– Да я и не нервничал, – спокойно ответил Матвей. – Вы ведь всё равно не дадите мне квартиру или нормальную комнату в общежитии. Так чего мне здесь ловить?

– В нашем общежитии есть свободные места, – ответил неуверенно комбриг и отвернулся.

– Товарищ полковник, в этих комнатах, на пять человек, пусть живут пиджаки. Два года не срок. А то, что они за офицеры, не знающие, что такое жить в казарме? Я пять лет в казарме прожил, сейчас хочется, знаете ли, уюта, без посторонних.

– Да понимаю я тебя. Только нет у меня такой возможности.

Тем временем машина подъехала к воротам части, дневальный по КПП выбежал на улицу и возился с запором на воротах.

– Спасибо, товарищ полковник, за то, что подвезли. Я выйду здесь, – сказал Матвей, отрывая заднюю дверь.

Дневальный уже открыл створки ворот с большими красными звёздами и, вытянувшись в струнку, отдал воинское приветствие проезжающей мимо него машине с комбригом.

– Красиво живёте, Матвей Батькович! Комбриг на своей машине на службу привозит. Молодчина! – окликнул Матвея идущий следом командир медицинской роты Сергей Сазонов.

– Молодчина комбриг или я?

– Ты, конечно. Давай, рассказывай, как тебе удалось подрядить командира заниматься извозом.

– Да ты понимаешь, надоело что-то ходить на службу, вот он и вызвался лично приезжать и забирать меня. Как я мог отказать уважаемому человеку? Согласился-таки ещё немножечко послужить Родине. Привет, Серёга! – ответил Матвей, протягивая руку.

– Привет! Как дела в танковых войсках?

– У нас всегда порядок! А у вас?

– А у нас совершенно случайно появились излишки спирта. Вечером забегай, – Сергей щёлкнул себя по горлу, – угощу.

– Договорились. А тара найдётся?

– Обижаешь! Бутылёк из-под пенициллина для тебя всегда найдётся.

– О, как раз, хватит в каждый глаз по капле закапать.

Разговаривая, офицеры дошли до плаца части, на котором солдаты и офицеры бригады готовились к построению.

---

[1] *Пиджак – в армейской среде так называют лейтенантов, выпускников военных кафедр при институтах, призванных на два года (прим. автора).*

После построения командиры подразделений развели подчинённый личный состав по рабочим местам согласно плану. Лейтенант Горбунов, как и положено заместителю командира роты по вооружению (зампотех), убыл в парк.

Ближе к обеду Матвей решил наведаться на КТП[2] к дежурному по парку. Сегодня дежурным был его друг и однокашник по училищу, лейтенант Егор Камарин. Вот и решил сходить поболтать за жизнь за кружечкой горячего чая. Кипяток был разлит по стаканам, когда в помещении дежурного затарахтел полевой телефон. Егор снял трубку, представился и молча слушал, загадочно поглядывая на Матвея.

– Хорошо, товарищ подполковник, сейчас найду его и передам, – сказал невидимому абоненту Егор и положил трубку. – Так, сознавайся, зачем тебя вызывают в Особый отдел? – во взгляде товарища были интерес и тревога одновременно. – Это не по поводу наших с тобой дел?

– Прикалываешься?

– Да серьёзно я. Шумилов попросил найти тебя и передать, чтобы ты срочно зашёл к нему.

– Ладно, не трясись раньше времени. Схожу, узнаю. Одно радует, попросил, а не приказал, значит, ничего серьёзного. Так что, Егорушка, дежурь спокойно, в случае чего возьму всё на себя, – Матвей допил чай и не торопясь пошёл в штаб бригады.

– Как освободишься, не забудь зайти, рассказать, – крикнул вслед Егор.

– Хорошо! Если, конечно, моё освобождение не затянется лет эдак на несколько.

Шагая по дорожке от парка до штаба, Матвей перебирал в памяти события прошедших дней и недель. Ничего такого не произошло, что могло бы привлечь внимание контрразведки. Странный вызов. Матвей хорошо знал подполковника Шумилова, который иногда подвозил его домой на своей старенькой, но хорошо сохранившейся двадцать четвёртой «Волге», и тем не менее… «Стоп! Я же ему эту самую „Волгу“ к Боре на ремонт пристраивал. Приехал машину забирать, увидел армейское оборудование, прикинул одно дело к носу, теперь под меня копать будет».

Боря был бизнесменом новой формации из так называемых «новых русских», с криминалом дела не имел, хотя знакомые среди руководителей местной братвы у него имелись. Матвей познакомился с ним пару месяцев назад, совершенно случайно. Как-то задержавшись на службе и опоздав на последний автобус, не долго думая, пошёл пешком. Погода была хорошая и располагала к вечерней прогулке, тем более что покрыть расстояние от части до дома можно было минут за сорок. Бешеной собаке, как говорится, двести вёрст не крюк. Оставалось пройти треть пути, как вдруг рядом с ним остановился чёрный 525 BMW. Стекло пассажирской двери медленно опустилось, выпуская на свет божий звуки классической музыки. Матвей даже опешил: обычно пассажиры таких машин слушают блатняк, а тут вдруг классика.

– Здорово, братишка, чего зря ноги бьёшь? Садись, подвезу, – крикнул водитель.

– Спасибо, я как-нибудь сам доберусь, – ответил Матвей, наклонившись к открытому окну. – Моей зарплаты не хватит, чтобы с тобой расплатиться.

– Нужны мне твои деньги! Садись, не валяй дурака. Тебе куда?

– На улицу Калинина, возле продуктового магазина.

– Понял, не дурак.

Набрав за считанные секунды скорость, машина плавно полетела по опустевшим улицам города.

– Давно служишь? – спросил водитель, убавив громкость магнитолы.

– Здесь второй месяц.

---

[2] *КТП – контрольно-технический пункт (прим. автора).*

– Ну и как?

– Нормально.

– Нормально – в смысле хорошо или так себе?

– По-всякому бывает.

– А ты командник или технарь?

– А ты просто так спрашиваешь или с далеко идущими намерениями?

– Да вот, надумали мы с братвой ментов резать. Достали уже. Вот я и интересуюсь: вояки поддержат нас или в сторонке отсидятся?

– А чего тебе спокойно-то не живётся? Или ты решил салон своего авто на зоновскую хату поменять? – улыбнулся Матвей.

– Шучу, конечно, нужны они мне больно. Решил я автомастерскую открыть, вот и спрашиваю.

– А я тебе с какого бока сдался?

– У вас есть ремонтные мастерские, а в них есть всякие вкусности: переносные дизельные отопители, преобразователи тока, шуруповёрты разные и так далее.

– Есть такие.

– А у тебя есть?

– И у меня есть. Только зря ты интересуешься, я ничего продавать не буду и других на это подбивать не стану.

– Разве ж я не понимаю. Я хочу в аренду взять – в долгу не останусь. И потом, как только всё это добро тебе или твоим знакомым понадобится, проверка какая или должность сдавать, всё сразу же верну – только свистни.

Так и познакомились. Боря оказался нормальным мужиком. В прошлом он был прапорщиком, служил на Дальнем Востоке, а когда страна благополучно приказала долго жить, плюнул на службу и вернулся в родной город. Он что, рыжий что ли, стоять в стороне, когда вокруг такой шабаш?

Взяв у Бори список необходимого оборудования, Матвей стал думать и подбирать инструмент, а так как у него не было всего необходимого для совместного предприятия, познакомил с Борей Егора Камарина. Объединив усилия, друзьям удалось удовлетворить запросы нового приятеля. Боря сдержал данное им слово насчёт платы за аренду оборудования, и выражалась она в продуктовом эквиваленте. Раз в две недели он привозил мешок здоровенных, сантиметров по тридцать, речных окуней или мясо. Иногда звал в баньку, приятно провести время. В общем, и овцы целы, и офицеры сыты. Теперь, наверное, придётся отвечать за сытость.

Вот и дверь, единственная железная на этаже, а за ней неизвестность.

– Разрешите? – постучав, открыл дверь.

– А, Горбунов, здравствуй! Проходи, присаживайся, – улыбаясь во все свои «тридцать три» зуба, сказал особист, указывая на стул.

Матвей вошел в просторный кабинет, в центре которого были составлены столы буквой «Т». Во главе стола сидел хозяин кабинета, начальник Особого отдела бригады подполковник Шумилов. За столом для совещаний сидел незнакомый мужчина в добротном костюме. Он сидел, положив руки на папку для бумаг, изучающе, будто сканируя, разглядывая вошедшего в кабинет.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – ответил Матвей, присаживаясь на стул. Прижавшись спиной к спинке стула, он почувствовал, что майка прилипла к вспотевшей спине.

– Чай будешь?

– Нет, спасибо.

– Матвей, здесь вот товарищ из Федеральной службы контрразведки желает с тобой побеседовать. Михаил Иванович, – обратился Шумилов к гражданскому, – я буду на узле связи, как закончите разговор, дайте знать.

– Хорошо, хорошо, Василий Сергеевич, не волнуйтесь.

Пока чекисты обменивались любезностями, Матвей разглядывал Михаила Ивановича, хотя сделать это было непросто. Чекист сидел спиной к окнам, через которые светило солнце, его облик как бы затенялся – старый, отработанный годами приём разведчиков. Всё равно Матвею удалось разглядеть, что напротив него сидит человек, ухоженные руки которого не знают тяжёлого физического труда и долгого пребывания на свежем воздухе. Незапоминающееся лицо. Добротный, явно дорогой костюм-тройка. Лёгкий аромат дорогого одеколона – кабинетный работник.

Шумилов вышел, закрыв за собой дверь. Повисла гнетущая тишина.

– Ну что, Матвей Викторович, – заговорил чекист. – Давайте начнём наш с вами разговор. Про вас я знаю всё, или почти всё. Зовут меня Михаил Иванович Сергеев, майор Федеральной службы контрразведки, – при этом он предъявил служебное удостоверение в развёрнутом виде. – Но во время беседы давайте обращаться друг к другу по имени-отчеству. Договорились? И пожалуйста, снимите куртку, в кабинете жарко, а разговор долгий. Я вижу, как вы напряжены и наверняка вспотели. Расслабьтесь, – улыбаясь, закончил чекист.

Матвей снял куртку.

– Итак, – начал официальную часть разговора Михаил Иванович, открывая папку для бумаг и извлекая из неё какой-то документ. – Матвей Викторович, в августе месяце текущего года вы подали рапорт с ходатайством о переводе в Пятиозёрское танковое училище, выпускником которого вы являетесь. Вот копия вашего рапорта. Узнаёте? – Михаил Иванович положил на стол перед Матвеем лист бумаги.

Да, это был его рапорт. Дата, подпись, виза комбрига: «Не возражаю», всё соответствовало.

– Странно…, – ответил Матвей, облегчённо выдохнув: значит, разговор будет не по поводу совместного предприятия.

– Что странного?

– Я не думал, что, подав рапорт с ходатайством о переводе, совершу тем самым преступление, которое заинтересует такую службу, как ваша!

– О нет, нет! – улыбнулся Михаил Иванович. – Наша служба заинтересовалась вашим рапортом вот по какому поводу. Насколько мне известно, никто не собирается давать ему ход. Речь идёт не о кадровиках в штабе округа, а о кадровиках в штабе корпуса, в состав которого входит ваша бригада. Вы же знаете, что в войсках нехватка офицерского состава, а здесь вы ещё со своим рапортом вылезли.

«Так вот почему комбриг затеял сегодня разговор в машине», – подумал Матвей.

– ФСК в моём лице предлагает вам некую сделку, услуга за услугу. Конечно, если вам это интересно. Если да, мы продолжаем разговор, нет – мы прощаемся.

– Я правильно вас понял: вы помогаете мне с переводом, а взамен этого, в знак благодарности, я становлюсь сексотом[3]?

– Так, стоп! – контрразведчик осадил Матвея, начавшего вставать. – С первой частью вашего предположения – попадание в яблочко. А вот выводы вы сделали неверные. Никто не собирается делать из вас сексота. Нам нужны ваши знания, опыт и профессионализм офицера-танкиста. Я могу продолжить?

– Если так, то продолжайте, – ответил Матвей, возвращаясь на стул.

---

[3] *Сексот – секретный сотрудник.*

– Спасибо. Матвей Викторович, вы следите за ситуацией в стране? В частности меня интересует ваша осведомлённость по ситуации на Северном Кавказе, а именно в Чечне.

– Все мои познания в этом вопросе ограничиваются информацией из средств массовой информации. В общих чертах мне понятно, что на Кавказе, как и на остальной территории России, идёт передел власти, собственности, лакомых кусков экономики и, естественно, денег. Процветает коррупция и бандитизм. Или я ошибаюсь?

– В целом всё правильно. В Чечне беспредел достиг высот республиканского масштаба. Местная элита во главе с генералом Дудаевым провозгласила независимость республики. Открыто саботируются законы государства и требования Федерального центра. Дело дошло до создания собственных вооружённых сил. И уж если быть откровенным до конца, то в Чечне идёт гражданская война. Да, да, вы не ослышались, война, – уточнил Михаил Иванович, увидев удивлённые глаза Матвея. – Центр, конечно же, держит ситуацию под контролем, но обычными методами навести порядок на территории республики не представляется возможным. В Чечне при поддержке Федерального центра действует активная оппозиция, но у её отрядов недостаточно сил и средств для того, чтобы переломить ситуацию в сторону порядка и взять под контроль республику.

– А при чём же здесь я и, как вы говорите, мои знания?

– Вот мы и подошли к самому главному. В верхах принято решение: усилить отряды оппозиции бронетехникой. Но вы же понимаете, что эта техника должна кем-то обслуживаться и эксплуатироваться, а специалистов в отрядах оппозиции раз, два и обчёлся. А те, что есть, в лучшем случае служили срочную службу ещё в армии СССР. Поэтому я от лица государства предлагаю вам поехать в одну из республик, граничащих с Чечнёй, подготовить технику, обучить чеченские экипажи, перегнать её к месту назначения и передать обученным вами чеченцам. После этого вы и ваши коллеги, которых мы подберём, на вертолётах вернётесь на базу и далее по местам службы. Правда, есть незначительный риск: маршрут выдвижения техники будет проходить недалеко от района так называемых боевых действий.

Вы помните события осени девяносто третьего года в Москве и что из этого получилось? Ввели танки в город, дали залп по Белому дому и всё. Действующая власть отстояла своё право на существование. Подобный сценарий планируется и в Чечне. Я, наверное, сгустил краски, когда сказал про боевые действия. По нашим сведениям, Дудаев, почуяв неминуемую расплату, бежал за границу, а остатки его армии не представляют реальной угрозы. В их распоряжении есть несколько танков: старые Т-62 и Т-72, да и те неисправные. Основное вооружение разрозненных и неуправляемых отрядов Дудаева – это стрелковое оружие, украденное с армейских складов, иногда охотничье. Согласитесь, что противостоять той силе, которая будет у отрядов оппозиции, – самоубийство. Для вас и таких, как вы, участие в этой операции – простая прогулка, так как я уже сказал, что вся тяжесть возлагаемых задач ляжет на плечи отрядов оппозиции.

– Мне всё равно непонятно, – прервал Матвей речь контрразведчика, – почему не привлечь к этой операции штатные, подготовленные армейские подразделения Министерства обороны, усилив их силами специального назначения? Для чего городить огород и создавать сборную солянку из офицеров и прапорщиков?

– Дело в том, что мы не можем вводить на территорию республики подразделения действующей армии. Вы представляете, какая шумиха поднимется в прессе?! Мы не успели оправиться после событий девяносто первого и девяносто третьего годов, а здесь новый удар: санкции Запада и прочая политическая возня. А так получится, что истомлённое Дудаевской тиранией простое население Чечни само восстанавливает конституционный порядок, силами отрядов оппозиции. Эти отряды мы и вооружаем, помогая чеченскому народу. Если учесть, что ваше участие в этом акте справедливости будет нелегальным, то и шумихи никакой не будет. Правда, как я уже сказал, есть небольшая опасность данного мероприятия. Но,

я уверяю вас, риск минимальный, и за него вы получите хорошее денежное вознаграждение. Условия вашего участия в данной операции и вознаграждение прописаны в контракте, который в случае вашего согласия мы подпишем. Понимаете?

– Начали за здравие, а кончили за упокой, – подвёл итог Матвей. – Соблазнили помощью с переводом, а закончили банальными рыночными отношениями.

– Вы не правы! Я глубоко убеждён в том, что любое задание, не связанное с основной деятельностью специалиста, должно оплачиваться соразмерно сложности и важности этого задания, тем более если это задание выполняется в интересах государства. Или я не прав?

– Правы.

– Вот видите?! Вы выполняете секретное задание государства, хорошо оплачиваемое задание, а мы помогаем вам с переводом на новое место службы. И волки, как говорится, сыты, и деньги в кармане. Теперь что касается условий контракта. Контракт будет заключён на «Обслуживание бронетехники и участие в боевых действиях», но это мы уже с вами обговорили. Контракт, составленный в одном экземпляре, будет храниться у нас, а подписи будут скреплены гербовой печатью. За подписание контракта вы незамедлительно получите один миллион рублей[4] – аванс. Согласно контракту, также предусматривается:

– три миллиона рублей за подготовку бронетехники;

– пять миллионов рублей в случае участия в операции (боевые действия);

– три миллиона рублей за удачное завершение операции;

– три миллиона рублей за уничтожение огневой точки, танка или БТРа;

– пять миллионов рублей за уничтожение самоходной артиллерийской установки или объекта…

– Вот на этом месте давайте притормозим, – перебил Матвей. – Вы говорили, что у разрозненных отрядов чеченских пастухов с охотничьими ружьями есть несколько неисправных танков, а в контракте появляются танки, БТРы и САУ, с которыми придётся вступать в огневой контакт и уничтожать их. Интересно…

– Матвей Викторович, ваше волнение понятно. Вы же не будете спорить, что в контракте необходимо предусмотреть все форс-мажорные обстоятельства, которые могут возникнуть при проведении операции? Я могу продолжить?

Матвей кивнул.

– Согласно контракту, также предусматривается: двадцать пять миллионов рублей за лёгкое ранение; пятьдесят миллионов рублей за ранение средней тяжести и семьдесят пять миллионов рублей за тяжёлое ранение. В случае гибели, но я более чем уверен, что до этого не дойдёт, – сто пятьдесят миллионов рублей родственникам погибшего. В случае вашего согласия мы обговорим остальные детали командировки, а пока решение и слово за вами.

– Сколько времени у меня есть на обдумывание вашего предложения?

– Сейчас у вас по расписанию обеденный перерыв. Я думаю, этого времени будет достаточно для принятия решения. После обеда я буду ждать вас в этом же кабинете. Я приму любое ваше решение. И ещё, никто не должен знать о содержании нашего разговора, независимо от принятого вами решения. До встречи.

О каком обеде может идти речь, когда в голове борются две противоположности: «за» и «против». Хуже всего то, что не с кем посоветоваться. Позвонить отцу, так закроют за разглашение государственной тайны. Это сейчас, пока от тебя что-то нужно, они, контрразведчики, готовы с тебя пылинки сдувать, а оступишься – враг, и поедешь ты в места отдалённые, где выдадут тебе лобзик и заставят валить строевой лес. Оно надо? А быть расходной пешкой в чьей-то игре лучше? Тоже не есть хорошо. Вот и приходится напрягать извилины. Только толку-то? Ну, смотрим мы выпуски новостей по телевизору, слушаем радио, читаем газеты,

[4] *Денежные суммы приведены в неденоминированных рублях (прим. автора).*

проанализировав полученную информацию, делаем выводы. Закавыка в другом. Много нам дают той информации? Да ровно столько, сколько пипл может заглотить и переварить без ущерба для умственного здоровья. У простых смертных другие заботы и ответственность. Что касается людей служивых, здесь подход к информированию должен быть совершенно другим – предупреждён, значит, вооружён. Иначе зачем существуют уровни секретности и служба, контролирующая её соблюдение? И уж коли офицер этой службы говорит тебе: «Люминий», ты знаешь, что так оно и есть на самом деле. Именно на это и купился Матвей, взвешивая «за» и «против» (последующие события покажут, что не он один). Разве могло быть иначе? Он принадлежал к поколению людей, воспитанных в Советском Союзе на книгах и фильмах, пропитанных коммунистической идеологией. Прошёл путь от октябрёнка до комсомольца, а гибель Советской империи встретил будучи кандидатом в члены КПСС. В памяти до сих пор всплывали слова об ответственности за ум, честь и совесть нашей эпохи, про гражданский и почётный долг гражданина. И эта идеологическая белиберда тоже давала о себе знать, принуждая его сделать роковой шаг.

В словах контрразведчика присутствовали как правда, так и ложь. Да, Чеченскую Республику штормило, как и государство российское в целом, а начался этот процесс ещё до распада СССР. Нет необходимости рассказывать о том, что происходило в республике и как она шла к обретению своей независимости, как Дудаев и его сторонники захватывали власть и что на это отвечала Москва – это тема другого разговора. Нас интересуют последствия прихода генерала Дудаева к власти, как в этом нелёгком деле ему помогал Кремль и с чем подошла Чечня к ноябрю 1994 года.

Президентом Чеченской Республики Джохар Дудаев стал в конце октября 1991 года. Уже в ноябре он объявил о мобилизации всех мужчин в возрасте от 15 до 55 лет и поднял верхний возрастной предел лицам, подлежащим мобилизации, до 65 лет, привёл в боевую готовность «национальную гвардию» и начал отзывать из Вооружённых сил России всех юношей чеченской национальности. На территории Чечни была введена военная подготовка во всех вузах и в старших классах. Республика открыто готовилась к войне. Но для этого нужно большое количество оружия. А где и как его взять? Помощь в решении этого вопроса оказала Москва в лице генерала Грачёва (на тот момент он был первым заместителем министра обороны). В декабре 1991 года в Чечню приезжает делегация во главе с ним с целью помешать вооружению чеченцев. На деле получилось наоборот. После долгого, но продолжительного разговора двух генералов за рюмкой чая Дудаев заверил своих соратников, что министра обороны, маршала авиации Шапошникова, в скором времени снимут и вот тогда все воинские части, дислоцирующиеся на территории республики, окажутся в руках чеченцев. В конце февраля 1992 года Шапошникова действительно сняли. Министром обороны был назначен Грачёв. Буквально через день после его назначения Дудаев и его вице-президент Зелимхан Яндарбиев отдают приказ об очистке воинских частей от оружия и военной техники. Оружие вывозилось со складов воинских частей грузовиками. Не участвовал в дележе вооружения и военного имущества разве что ленивый.

В апреле 1992 года на закрытом совещании Совета безопасности России вновь испечённый министр обороны Грачёв предложил передать генералу Дудаеву 50% находящегося в Чечне вооружения и военной техники, сославшись на то, что это экономически выгоднее, чем перевозить её эшелонами в Россию, – слишком дорогое удовольствие. Членам Совбеза данное предложение понравилось, и Грачёву было поручено реализовать данный проект, который в мае этого же года был закреплён директивой. Документ выглядел следующим образом:

«Министерство обороны Российской Федерации»
***Командующему войсками СКВО** (лично)*

Разрешаю передать Чеченской Республике из наличия 173 гвардейского Окружного Учебного Центра боевую технику, вооружение, имущество и запасы материальных средств в размерах:

– боевую технику и вооружение – 50%;

– боеприпасы – 2 боекомплекта;

– инженерные боеприпасы – 1—2%.

Автомобильную, специальную технику, имущество и запасы материальных средств реализовать по остаточной стоимости на месте.

28 мая 1992 года Генерал армии
П. С. Грачёв.

По словам самого Грачёва, «…это был вынужденный шаг. Боеприпасы всё равно фактически находились в распоряжении боевиков, к тому же вывезти их не представлялось возможным из-за отсутствия эшелонов и военнослужащих». Он не лукавил, на момент подписания данной директивы в распоряжение боевиков уже перешло порядка 70% вооружения, имущества и запасов материальных средств, находящихся в республике.

В июле 1992 года российские войска под угрозой вооружённых действий со стороны чеченцев покинули территорию республики. По разным данным, в распоряжении у Дудаева осталось:

– бронетанковой техники (в том числе 42 танка Т-62 и Т-72, 34—36 БМП, 30 БТР) – от 108 до 134 единиц;

– артиллерийских систем (в том числе 18 реактивных систем залпового огня «Град» и 30 122-мм гаубиц Д-30) – от 139 до 153 единиц;

– 27 зенитных орудий и установок;

– 77 комплектов ПТУР, несколько сотен ручных противотанковых гранатомётов;

– 426 самолётов (из них 5 боевых);

– 2 вертолёта;

– более 50 тысяч единиц стрелкового оружия;

– 27 вагонов боеприпасов;

– 3050 т горюче-смазочных материалов;

– 38 т вещевого имущества и 254 т военного продовольствия.

К концу 1994 года Дудаеву удалось создать и вооружить весьма многочисленные формирования – около 40 тысяч человек. Часть командных кадров дудаевцев имела опыт боевых действий в Афганистане и Абхазии, остальные приобрели определённые навыки на различных учебных сборах и в многочисленных вооруженных акциях на территории самой Чечни. Кроме того, на службе у чеченского президента состояло от 5 до 8 тысяч наёмников из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Вот вам и разрозненные группы пастухов и колхозников с охотничьими ружьями наперевес и несколько неисправных танков. Так что в пунктах контракта была отражена реальная информация, а не форс-мажорные обстоятельства, и контрразведчик не мог этого не знать.

На кремлёвско-олигархической кухне готовилось некое блюдо. Матвею и таким, как он, военнослужащим суждено было стать в этом блюде всего лишь одним из ингредиентов. Так что пока наш герой, не ведая того, пытался поесть, его самого готовили на закуску.

Когда через два часа он стоял возле злополучной железной двери, решение было принято, можно сказать, выстрадано. Но мысли продолжали копошиться в голове.

– Разрешите? – постучав, открыл дверь и вошёл в кабинет.

– Проходите, Матвей Викторович, присаживайтесь, – всё так же обходительно и с улыбкой на лице встретил его контрразведчик. В кабинете он был один. – Покушали?

– Какой там! – Матвей махнул рукой. – Честно скажу, трудно далось принятие решения. Пожалуй, я соглашусь, хотя до сих пор сомневаюсь в правильности своих действий.

– Понимаю вас. Но на то мы и офицеры, чтобы уметь принимать единственно верные, взвешенные решения. Не переживайте, всё будет хорошо.

– Дай бог! – сказал Матвей, а сам подумал, что за эти слова году так в 37-м его заковали бы в наручники.

– В таком случае продолжим, – Михаил Иванович достал из той же папки бланк контракта и подал Матвею. – Ознакомьтесь с документом, если вопросов нет, то вот в этой графе напишите дату, подпись и фамилию.

Матвей прочитал текст контракта, в котором было прописано всё то, что ранее говорил Михаил Иванович. Взял ручку и сделал то, о чём, наверное, скоро пожалеет, а может быть, и нет. Написал: *08.11.1994 год*, подпись и фамилию. Протянул документ контрразведчику, который проделал то же самое в своей графе.

– Поздравляю вас, Матвей Викторович! Вы сделали правильный выбор. Начинаем выполнять условия контракта, – Михаил Иванович достал из папки конверт, извлёк из него купюры и подал Матвею. – Пересчитайте.

– Всё верно, один миллион рублей, – сказал Матвей, держа в руке десять новеньких стотысячных купюр, пахнущих типографской краской.

– У вас есть время подготовиться, – продолжил Михаил Иванович. – Сейчас я не могу точно сказать, когда за вами приеду. Но приеду я лично. Все вопросы относительно вашей командировки с командованием части будут улажены, поэтому в части вас не потеряют. В командировку вы должны будете поехать в гражданской одежде. Вот вроде бы и всё. Если нет вопросов, то не смею вас задерживать.

– Да вроде бы всё понятно, бытовые мелочи додумаю сам, – ответил Матвей, встал и направился к выходу.

– Тогда до встречи, – сказал Михаил Иванович, давая понять, что разговор окончен.

Выйдя из кабинета Особого отдела, Матвей направился в парк, от должностных обязанностей его ещё никто не освобождал. Остаток дня получился сумбурным, сказывались нервозность и неопределённость.

Увидев идущего по дорожке Матвея, ему навстречу вышел Егор Камарин.

– Ну что, зачем вызывали?

– Да понимаешь, ещё в училище я узнавал, как попасть после выпуска к ним в контору, в какой-нибудь технический отдел, – придумывал на ходу Матвей. – Заполнил анкету, на разные тесты отвечал, и вот проснулись, вспомнили. Вот особист и интересовался: горю я ещё желанием пополнить их стройные ряды или нет.

– А ты что же?

– А что я? «Поздно, – говорю, – передумал». Ладно, бывай, дел много, – сказал Матвей и пошёл на стоянку батальона.

По окончании работ отправил солдат в казарму, открыл свою летучку[5] и взял из неё брезентовую сумку, компактную, но вместительную. Оставалось наведаться ещё в два места. Зашёл в каптёрку к старшине, к старшему прапорщику Приходько Семёну Михайловичу, замечательному и душевному человеку. В свои пятьдесят лет он продолжал служить и к проблемам солдат и молодых офицеров подходил по-отечески.

Михалыч был не один в каптёрке. За столом напротив него сидел старшина одной из мотострелковых рот прапорщик Абдулхакимов – посиделки за кружкой чая у них вошли в давнюю, добрую традицию.

---

[5] *Летучка – ремонтная мастерская на базе автомобиля ЗИЛ-131 с кунгом.*

– О, Матвейка, проходи, проходи, составишь нам компанию. Мы с Исмаилом как раз решили чайком побаловаться. Что такой расстроенный, что приключилось?

– Дело у меня к тебе, Михалыч. Позвали меня на охоту: горных козлов пострелять, приятно время провести. Вроде бы ничего особенного, а в своей форме ехать не хочу, мало ли что: там зацепился, здесь порвал, а мне её ещё носить и носить. Вот и пришёл к тебе, челом бью, не оставь в беде дитя несмышлёное.

– Чем смогу, помогу. Как не помочь? – пробубнил Михалыч, суетясь с чайником. – Говори, что нужно.

– Да и я не чужой, – поддержал Михалыча Исмаил, – может, и я чем-нибудь подсоблю. Ты, кстати, не в мои края собрался?

Матвей знал, что Исмаил родом из Дагестана, а это одна из республик, граничащих с Чечнёй. Может быть, его путь действительно лежит в Дагестан, только говорить об этом он не имел права.

– Нет, Исмаил, я еду в другое место. Если бы меня позвали на охоту в твои края, поверь, я уговорил бы организаторов взять тебя с собой – лучшего проводника нам не сыскать.

– Спасибо за доверие. Так чем тебе помочь?

– Сиди уже, помощник, – взвился Михалыч, – человек ко мне пришёл, а не к тебе.

– Вы смотрите не подеритесь за право помочь ближнему. А нужен мне зимний танковый комбинезон, комплект «синюхи»[6] и сухой паёк на двое суток. Одежда, естественно, с возвратом.

– Тю, нашёл проблему, – ответил Михалыч, разливая чай в армейские эмалированные кружки. – Сейчас чайком разомнёмся и всё подберём. Держи, – протянул горячую кружку Михалыч. – Там, в пакетике, шанежки бери, жёнка моя стряпала. Сгущёнку открыть?

– Нет, спасибо!

Выпив чай и разделавшись со стряпнёй, принялись подбирать одежду. С восемнадцати лет служит Михалыч в армии, и практически все эти годы в должности старшины. А старшиной он был от бога. Поэтому для него не составило труда подобрать без примерки всю необходимую одежду.

– Всё или ещё чего надо? – спросил, отряхиваясь, Михалыч. – Проси, не стесняйся.

– Всё! И так тебе должен буду, не расплачусь.

– Да не говори глупостей, какие счёты, – обиделся Михалыч. – Держи свою сумку, помогу вещи уложить. Ватный утеплитель комбинезона отстегнёшь, свой прикрепишь, вам ведь из натурального меха выдали. На охоте теплее будет, а верх стираный, чистый, не волнуйся.

– Спасибо, Михалыч! Что бы мы все без тебя делали? Желаю здравствовать! – Матвей крепко пожал руки Михалычу и Исмаилу.

– Бывай! – ответил Михалыч, закрывая дверь каптёрки.

Теперь в медицинскую роту. Матвей был вхож в «закрытый» коллектив медиков. Его частенько приглашал Сергей посидеть за рюмкой чая в субботу вечером в обществе длинноногих прелестниц в белых медицинских халатах, проводить, так сказать, тяжёлую трудовую неделю (не подумайте ничего плохого – всё было чинно и благородно). Конечно же, Матвей с радостью принимал предложения.

Матвей нашёл Сергея в процедурном кабинете, где тот болтал с девчонками-фельдшерами, которые заразительно смеялись.

---

[6] *«Синюха» – в 1994 году в бригаде солдатам срочной службы для выполнения хозяйственных и ремонтных работ дополнительно выдали комплект хлопчатобумажного обмундирования типа «афганка», только пошитого из дешёвой джинсовой ткани тёмно-синего цвета (прим. автора).*

– Приветствую доблестных эскулапов, – без стука вошёл в кабинет. – А что это вы здесь делаете, а?

– Здравия желаем, товарищ лейтенант, – защебетала одна из фельдшериц, высокая, стройная, русоволосая девушка. – Зашли к нам укольчик поставить? Так мы мигом.

– Ха-ха! Напугали! – парировал Матвей, делая вид, что расстёгивает штаны. – Из ваших рук, Женечка, и хлорка творогом пойдёт.

– Ха-ха-ха! – ещё громче захохотали медички.

– Сергей Батькович, вы здесь что-то принимаете или нюхаете, раз девчонок на хи-хи пробило? Того и гляди, животики надорвут! Вы не будете противиться, если я выдерну вас из объятий этих сладкоголосых соблазнительниц? На пару слов. А то, знаете ли, затуманят разум своими чарами, того и гляди, забуду, зачем пришёл.

– Фу какой! Не успел прийти и уже уходит, – не успокаивались Женя и остальные девчонки.

– Ладно, хватит хихикать, – остановил их Сергей. – Идите домой.

– А что, товарищ лейтенант нас не проводит?

– Товарищ лейтенант занят, а ты, Рыжова, если не успокоишься, оставлю на ночное дежурство, – отрезал Сергей и повёл Матвея в свой кабинет. – Присаживайся, сейчас налью, что обещал.

– Зачем ты так? У девчонок хорошее настроение. Опять же, смех продлевает жизнь.

– Это тому, кто смеётся, а тому, кто целый день это слушает, – сокращает.

Сергей открыл двухстворчатый стеклянный шкаф и достал из него ёмкость с медицинским спиртом.

– Двести граммов налью, больше пока не могу.

– И за это спасибо! Мне же не ради пьянки…

– Знаю, знаю: дабы не отвыкнуть.

– Точно, всё-то вы знаете, товарищ старший лейтенант, даже не интересно.

– А то?! – Сергей подал Матвею бутылочку с чистейшим как слеза спиртом. – По пятьдесят граммов не желаешь?

– Нет, спасибо! Есть ещё в городе дела. Спасибо за «лекарство». Бывай!

– Давай, счастливо! – Сергей проводил Матвея до двери. – А ты чего с баулом ходишь, собрался куда?

– Вещи грязные из парка забрал постирать, – ответил Матвей и пошёл домой.

Он шёл быстро, чтобы успеть на рейсовый автобус, потому что следующий будет только через сорок минут, и, не ожидая того, возле КПП бригады догнал медленно идущую по дорожке Рыжову. От её былого веселья не осталось и следа.

– Что-то вы не торопитесь домой, товарищ гвардии младший сержант? Или расстроились из-за резкого выпада командира? Так это он только суровости напустил, – соврал Матвей, чтобы немного приободрить девушку.

– Больно надо на него обижаться. Просто, – вздохнула Женя. – Что дома делать, опять смотреть телевизор? Надоело. Лучше бы он меня оставил на дежурство.

– Да ладно, хватит грустить. Пойдём быстрее, скоро автобус приедет, – Матвей подал руку. – Держись, возьму тебя на буксир.

Он знал, что Женя живёт одна, снимает комнату в доме гостиничного типа. По просьбе Сергея выделял ей грузовую машину и солдатиков для переезда. Её родители жили в районе, в забытой богом деревушке, из которой молодёжь уезжала при первом удобном случае. Женя и её старший брат поступили точно так же, как только окончили школу. Брат после института уехал работать на север, а она после медицинского училища подписала контракт и служила в медицинской роте. Она нравилась Матвею, он даже подозревал, что это чувство взаимное, хотел даже познакомиться с ней поближе, но всё как-то не было времени, ско-

рее всего, мешала робость, предательски сковывающая волю в присутствии этой красивой девушки. Когда они случайно встречались глазами, взгляд её серых глаз выражал трогательную беспомощность маленького обиженного ребёнка. Кто-то западал на её гордую осанку и стройную фигуру, Матвея она зацепила именно этим взглядом. У него уже был шанс убедиться в том, что этот взгляд не отражает её истинную натуру. Женя была волевой девушкой, с характером бойца, и, когда того требовали обстоятельства, «маленький ребёнок» превращался в строгую, требовательную женщину.

Всю дорогу они непринуждённо болтали и смеялись. Доехав до своей остановки, он пожелал Жене спокойной ночи и вышел из автобуса, а она, проводив печальным взглядом идущего мимо автобуса Матвея, вздохнула и подумала: «Господи, когда же он увидит во мне не сослуживца в юбке, а девушку, способную любить и быть преданной подругой и женой?» Но, к сожалению, к ней как к девушке он не проявлял интереса, ограничиваясь таким вот ни к чему не обязывающим общением, а делать первый шаг самой было не в её правилах. Всё чаще она начинала думать, что это глупо.

Добравшись до дома, Матвей поужинал, выпив при этом сто граммов водки. Немного полегчало. Остаток вечера посвятил сборам в командировку. Померил «синюху» и комбинезон – идеально сидят.

«Ну Михалыч, ну глаз-алмаз!»

Перелил спирт в самодельную двухсотграммовую фляжку, сделанную из нержавеющей стали. Собрал импровизированную походную аптечку. Написал родителям письмо.

Кто его знает, что там ждёт на самом деле?

В письме указал данные начальника Особого отдела и сотрудника ФСК. Сложил письмо, положив в него полученные в качестве аванса деньги, и засунул в конверт. В этот же конверт попали запасной ключ от квартиры и записка с домашним адресом и адресом родителей. Запечатал конверт и сунул его во внутренний карман своей полевой формы. Всё готово. Оставалось томительно ждать.

Посмотрел на часы.

– Твою дивизию! Половина первого ночи, лёг спать пораньше!

2

– Граждане провожающие! Просьба покинуть вагон. Поезд отправляется через пять минут, – противным прокуренным голосом объявила проводница, женщина внушительных размеров и отталкивающей наружности.

На вид ей было лет сорок-сорок пять. На ней была помятая синяя форменная юбка и такая же мятая, выцветшая от многократных стирок форменная рубашка. Несмотря на это, дама несла себя по центральному проходу вагона с таким достоинством, словно она ледокол, двигающийся во льдах Северного Ледовитого океана. Пассажирам и провожающим приходилось расступаться, дабы не быть подмятыми массивным корпусом движущегося «ледокола».

– Повторяю! Провожающим покинуть вагон. Поезд отправляется через пять минут.

– Саня?! – вздрогнула Наташа, услышав «чарующий» голос проводницы. На глазах опять выступили слёзы. – Давай я не поеду, а? Мне что-то неспокойно на душе, я боюсь.

– Ну что ты глупости говоришь, чего ты разволновалась? – обнял её Саша. Жена начала всхлипывать и шмыгать и без того красным, натёртым носом. – Как это ты не поедешь? Тебе через месяц рожать. Ты домой едешь, не к чужим людям. Мои родители тоже рядом, помогут. Я в первых числах декабря приеду в отпуск, ещё тебя в роддом повезу. Успокойся! Вера Петровна, вы хоть ей скажите.

– Да говорила я, всё без толку! – ответила тёща и села рядом с дочерью. – Иди, Саша, сейчас она успокоится.

– Ну, всё, счастливого пути, к ужину будете дома. Я вечером позвоню, – Саша обнял жену в очередной раз. – Всё будет хорошо! Я тебе обещаю! Слышишь меня?

– Слышу! Звони чаще и вообще… – Наташа прижалась к мужу. – Никуда не лезь. Ладно?

– Хорошо!

Саша встал, легонько щёлкнул жену по кончику носа, поцеловал тёщу и, не оглядываясь, пошёл на выход. Не успели его ноги коснуться перрона, как поезд плавно тронулся и, медленно набирая скорость, поехал на восток, навстречу первым лучам восходящего солнца. Помахал рукой в проплывающее мимо него окно вагона, за стеклом которого ему махали плачущая Наташа и тёща, сопровождающая это зарёванное чудо. Какое-то время он ещё стоял на перроне, глядя вслед удаляющимся красным огонькам последнего вагона. Вздохнув, развернулся и пошёл в здание вокзала. До пригородной электрички, на которой он вернётся в Фомичёво, оставалось ещё сорок минут. На привокзальной площади копошился людской муравейник. Вокзал жил своей жизнью, несмотря на ранний час. Из висящих на ларьке динамиков пел порядком поднадоевший Кай Метов про «позицию номер один», то и дело заглушаемый объявлениями по вокзалу. В зале ожидания свободных мест не было, поэтому ходил по залам вокзала все сорок минут, уворачиваясь от толчеи и давки. Наконец прозвучало объявление о прибытии загородного электропоезда. Саша вошёл в вагон, сел на мягкое, обитое дерматином сиденье, вытянул ноги и задремал.

Через час он уже поднимался по лестнице семейного общежития на третий этаж. Открыл дверь и вошёл в маленькую, площадью двенадцать квадратных метров, но уютную комнатку – его с Наташей гнёздышко. Комната ещё сохраняла незримое присутствие и тепло любимой жены, лёгкий аромат её духов.

Через двадцать минут из дверей общежития на дорожку, ведущую к КПП дивизии, вышел молодой военный, лейтенант Александр Назаров, командир танкового взвода. В прошлом году по распределению он был направлен служить в эту дивизию и с тех пор ходил этой дорогой на службу и обратно, каждый раз оглядываясь, для того чтобы помахать жене

в окне на третьем этаже. Вот и сейчас, по привычке, он оглянулся, но шторы на окне остались неподвижными.

Пройдя через КПП, Саша отправился в расположение батальона, нужно было доложить командиру роты о прибытии.

– Дежурный по роте, на выход! – прокричал дневальный и отдал воинское приветствие вошедшему офицеру.

– Отставить! – скомандовал Саша. – Где командир второй роты?

– В канцелярии.

В канцелярии, кроме «второго» ротного, были ещё офицеры батальона и что-то громко обсуждали.

– А, Сан Саныч, проходи, – сказал ротный, сопровождая жестом приглашение войти. – Проводил супругу?

– Да. Вечером будет на месте. А что случилось? Ваш крик на улице слышно.

– А вот ты сейчас сходишь на беседу к особисту полка, узнаешь, – ответил ротный. – Он тебя с самого утра дожидается.

– Чего я у него забыл?

– Я серьёзно. Ступай, Сан Саныч, он ждёт.

Саша вышел из расположения батальона и направился в штаб полка. Кабинет начальника Особого отдела полка располагался на первом этаже. Входная дверь в кабинет была в маленьком, плохо освещённом коридорчике, отдельно от остальных помещений штаба – служба, чьё неусыпное око следит за всем и вся, сама не любила быть на виду. Саша постучал в дверь, удары о стальной лист двери гулко прозвучали в тишине коридорчика.

– Войдите!

– Лейтенант Назаров, по вашему…

– Проходите, присаживайтесь, – перебил Сашу особист.

Начальник Особого отдела майор Иванов сидел во главе своего рабочего стола и продолжал разговаривать с каким-то человеком, одетым в гражданскую одежду. По тому, как тот держался и как к нему обращался особист, Саша понял, что это какой-то начальник из контрразведывательного ведомства.

– Это лейтенант Назаров Александр Александрович, – сказал особист. – Последний из отобранных нами кандидатов. В дивизии с июля девяносто третьего года. За время службы зарекомендовал себя положительно. Технически грамотен. У нашей службы к данному офицеру вопросов не возникало. Пользуется авторитетом у сослуживцев и подчинённых. Женат. Проживают с женой в семейном общежитии. Жена на восьмом месяце беременности, сегодня он отправил её к родителям в Казань.

«Даже это знают?! Хотя ротный, наверное, рассказал ему, где я был с утра?» – подумал Саша.

Пока особист докладывал анкетные данные, незнакомец рассматривал Александра своим цепким взглядом. Саше даже показалось, что его взгляд проникал в него, как рентгеновские лучи.

– Кандидатура подходящая, – заговорил незнакомец. – Александр Александрович, у меня к вам есть одно интересное предложение. Сначала я расскажу, что и как, а после отвечу на ваши вопросы. Для начала позвольте представиться. Зовут меня Дятлов Иван Михайлович, майор Федеральной службы контрразведки. Нами подбираются люди из числа добровольцев для выполнения задания на территории одной из республик Северного Кавказа. Задание государственной важности, а потому – секретное…

После беседы с Иваном Михайловичем Саша вышел готовым убыть в командировку, а в нагрудном кармане его кителя лежали десять новеньких стотысячных купюр, свёрнутых пополам. Учитывая тот факт, что данный разговор состоялся накануне убытия в команди-

ровку, то на сборы оставались вечер и ночь. Обдумывая предстоящие сборы, вернулся в расположение батальона. Поднявшись на этаж, махнул дневальному – «молчи, мол» – и направился в канцелярию.

– Что, ещё один долбо… б согласился? – спросил, почти прокричав, ротный. – Я не пойму, мужики, вам что, на задницу приключений не хватает? Ладно, молчи, что сделано, то сделано. Мужики мне всё рассказали. Иди, готовься, авантюрист.

– Спасибо на добром слове, командир, – съязвил Саша, повернулся и пошёл на выход.

– Саня, – окликнул его в дверях ротный, встал и подошёл. – Я не знаю, в какое дерьмо вас суют, поэтому не могу советовать что-то конкретное, ты, главное, не лезь на рожон. Ты парень толковый, думай, прежде чем что-то сделать. Не обижайся на меня, это я так, в сердцах на тебя накинулся. Ну, иди с богом.

Офицеры попрощались, и Саша вышел из канцелярии. По пути домой он зашёл на узел связи к своему старому приятелю и попросил того посодействовать в организации междугороднего звонка сегодня вечером.

– Да нет проблем, – ответил приятель. – Я предупрежу дежурного, приходи, всё будет в лучшем виде.

Придя домой, Саша приступил к сборам. Выгреб из холодильника все продукты, которые не переживут долгой командировки. Что можно было съесть сегодня вечером и завтра утром – оставил, остальное в ведро. Уложил в сумку рыбные консервы и тушёную говядину из домашних запасов. Собрал необходимые вещи, от нижнего белья до тёплого свитера. Решил, что поедет в своём танковом комбинезоне без знаков отличия, а под него наденет гражданскую рубашку и свитер, на голову – вязаную шапку.

«Чем не гражданский человек? Да в таком виде по улице ходит каждый пятый россиянин», – подумал он.

Уложил в сумку верх от другого комбинезона – в одном ходить, в другом обслуживать технику. Сумка получилась увесистой, ничего, своя ноша не тянет. Приготовил походную аптечку. Вроде бы всё. Из запланированного остался поход на узел связи…

Будильник зазвонил неожиданно. Саша открыл глаза, тело ныло, голова тяжёлая, как будто накануне он перебрал крепких напитков. В общем, он совершенно не отдохнул.

«По дороге посплю», – успокоил себя и отправился в душевую комнату. На завтрак, как и планировал, доел всё, что осталось из скоропортящихся продуктов, ещё раз проверил сумку, оделся и присел «на дорожку».

На площадке возле КПП дивизии уже суетилась большая группа людей. Поздоровавшись с теми, кого знал, присоединился к разговору. Кто-то курил, кто-то травил байки, и по площадке периодически разносился дружный смех мужиков. Примерно через полчаса к КПП подъехали два «Икаруса». Из первого вышел Иван Михайлович, тот самый контрразведчик, который беседовал с ним накануне.

– Товарищи! – обратился он к присутствующим. – Попрошу внимания! Сейчас проведём перекличку, после чего занимаем места в автобусах и в путь!

Через двадцать минут, дымя чёрным дымом из выхлопных труб, автобусы отъехали от КПП, увозя полсотни людей в неизвестность. Как только автобусы начали движение, Саша закрыл глаза и сразу же уснул, благо мягкое, с высокой спинкой кресло автобуса позволяло это сделать.

Спустя какое-то время он проснулся, но открывать глаза не спешил, сидел, прислушиваясь к окружающим его звукам. Где-то болтали мужики, всё так же громко смеясь. В воздухе чувствовался запах сгоревшего авиационного керосина и табака. Открыл глаза. Автобус стоял на кромке лётного поля, невдалеке были видны самолёты военно-транспортной авиации.

– Куда нас привезли? – спросил он у соседа по креслу, старшего лейтенанта Сергея Круглова.

Сергей окончил то же училище, что и Саша, только на год раньше. Они хорошо знали друг друга ещё с курсантской скамьи, а сейчас служили в одном танковом батальоне, но в разных ротах. Сергей жил с женой и шестимесячным сыном в том же общежитии, в комнате напротив. Его жена Марина дружила с Наташей.

– А ты, братец, силён поспать, – ответил Сергей. – На аэродром «Чкаловский» нас привезли. Второй час уже стоим, а чего стоим, кого ждём, непонятно. В тех автобусах ещё людей привезли, таких же, как мы. Говорят, из Солнечногорска и Таманской дивизии. Я прикинул, нас здесь столько, что полноценный танковый батальон можно укомплектовать. Не многовато ли инструкторов, как думаешь? Сколько ж тогда человек нам предстоит обучить?

– На танковый полк, не меньше, – ответил Саша и вышел из автобуса…

3

Майрбек Атлангериев был в восторге от новой власти во главе с Джохаром Дудаевым. Ещё бы! Ему, молодому парню, которому недавно исполнилось двадцать два года, корячился реальный срок, девять лет колонии строгого режима как минимум. Но буквально перед самым судом он чудесным образом оказывается на свободе, и с «чистой» совестью! Благодаря распоряжению Дудаева на воле оказались уголовники всех мастей, Майрбек в их числе.

Всё началось в конце восьмидесятых годов. Попал он служить в одну из воинских частей Сибирского военного округа, в артиллерийский дивизион, наводчиком противотанкового орудия. Как говорится, масть катила, служба подходила к концу. И надо же было такому случиться! Один из молодых солдатиков, этот «душара» конченый, посмел огрызнуться ему, «дедушке». Пришлось преподать урок уважительного отношения к старослужащему товарищу. Ну, вспылил, не рассчитал силу. С кем не бывает? Не убил ведь. Подумаешь, у парня сломана челюсть и выбито несколько зубов, повреждена барабанная перепонка и частично оторвано ухо. «Духа» вылечат, а несчастному «дедушке» светил дисциплинарный батальон.

«Как бы не так!» – решил для себя Майрбек и пустился в бега.

Через три недели скитаний по городам и весям осел в родном Грозном. О трудоустройстве не могло быть и речи, а жить хотелось, причём красиво жить. И началось! Грабежи, разбойные нападения, «командировки» в Москву для оказания помощи землякам в налаживании криминального бизнеса. Не гнушался Майрбек и изнасилованиями, благо русскоязычных женщин и их сочных молоденьких дочурок было полным-полно в республике. Так продолжалось больше года, пока преступную группу, в которой он состоял, не повязали на месте очередного преступления. Закрыли славного парня Майрбека в камере Грозненского СИЗО. Через неделю вывели на очередной допрос.

– Ну, что, орёл, долетался? – начал допрос матёрый, повидавший всё и вся за долгие годы службы следователь.

Здоровенный чеченец спортивного телосложения, ростом под метр восемьдесят с массивной челюстью и перебитым носом, наверное, профессионально занимавшийся боксом, сидел за письменным столом, потирая ладони. Казалось, что короткие рукава его коричневой футболки того и гляди лопнут, распираемые бицепсами. Когда Майрбек увидал этого «франкенштейна» и размеры его кулаков, у него внутри всё похолодело, потому что эта «машина» способна только калечить или убивать. Предчувствия его не обманули.

– На понт берёшь? Ничего на меня нет и быть не может, – попытался оправдаться Майрбек. – Я мимо проходил, когда мусора налетели.

– Конечно, мимо проходил. Я разве спорю? – сказал следователь, вставая из-за стола и обматывая кулак правой руки вафельным полотенцем. – И зовут тебя Лечи Нухаев? И ты ничего не видел и не слышал и вообще ни в чём не виноват. Так?

– Так! – успел промямлить Майрбек, прежде чем следователь сокрушительным ударом в область правого подреберья свалил его с табурета.

Мало того, что от удара перехватило дыхалку, так ещё и головой стукнулся об угол сейфа при падении.

– Беспредел творишь, начальник! – выдавил из себя сквозь кашель Майрбек, как только начал дышать.

Вместо ответа следователь поднял его за шиворот и вторым ударом, только в район солнечного сплетения, сложил пополам.

– Это ты мне, падаль, про беспредел базаришь? – следователь разогнул скрюченное, кашляющее тело и силой усадил обратно на табурет. – А покалеченный тобою и оглохший на одно ухо рядовой Укропцев – это беспредел?

Майрбек потерял дар речи от неожиданности. Он думал, что тот случай уже забылся.

– А между тем это тянет на срок до двух лет, по статье двести сорок четвёртой: неуставные отношения. И это – раз! – и очередной удар свалил Майрбека на пол. – Я тебе разрешал покидать табурет? – гаркнул «франкенштейн», усаживая обмякшее тело на прежнее место. – Натворил дел, обоссался и дёру! А это, согласно статье двести сорок седьмой – дезертирство – тянет на срок от трёх до семи лет. Это – два! – Майрбек опять оказался на полу.

Следователь водрузил импровизированную боксёрскую грушу обратно на табурет.

– Чёрт с ним, с этим русским. Россия большая, баб много, нарожают ещё. Но в этот раз ты и твои подельники облажались по-крупному! Обидели вы хорошего, уважаемого человека, и ваше счастье, что обошлось без мокрухи. Сейчас ваши действия тянут на срок от шести до пятнадцати лет по статье сто сорок шестой: разбой по предварительному сговору группой лиц.

– Никакого сговора не было! – кашляя, выговорил Майрбек.

– А ты говорил, что мимо шёл?! Как же так, дорогой ты мой Майрбек Атлангериев? Это – три! – опять грязный, с кровавыми плевками пол оказался перед лицом Майрбека.

Следователь снял полотенце с руки и сел за письменный стол.

– Что, гнида, удивлён? Вот твоё личное дело, – следователь показал папку. – И нечего здесь в «незнанку» играть!

Через час с небольшим Майрбек лежал на шконке в душной переполненной камере, уткнувшись лицом в стену, приходил в себя и готовился к худшему. Чистосердечного признания следователь от него так и не добился.

– Вот суки, что творят! – сказал один из новеньких сидельцев, появившийся в «хате», пока Майрбек был на допросе.

Майрбек, превозмогая боль, нехотя повернул голову, посмотрел на новенького и сразу же узнал его. Это был его старый знакомый Хизар Дакаев. Они жили в одном доме. Перед тем как уйти в армию, Майрбек и Хизар вместе тусовались, несмотря на то, что особой дружбы и доверия между ними не было. Они были совершенно разными людьми. Майрбек окончил десять классов школы, ему нравилась математика, поэтому и попал служить в артиллерию, а Хизар после седьмого класса бросил школу и сидел на шее у родителей. Диагноз: «лёгкая степень умственной отсталости – дебильность», выставленный врачами в детстве, накладывал свой отпечаток на всё. Хизар отличался от своих сверстников патологической жестокостью, был труслив и туп, хотя во всех уличных потасовках был в первых рядах. Как это сочеталось, непонятно. Перевалив двадцатилетний рубеж, Хизар ушёл из дома. Родители вздохнули с облегчением. Жить как-то нужно было, а зарабатывать на жизнь честным трудом совершенно не хотелось. Разгул бандитизма в республике пришёлся как нельзя кстати. Улица и группировки с распростёртыми объятиями приняли Хизара. Сколько дорожка ни вьётся, а всё равно приводит к развилке. Направо пойдёшь – в тюрьму попадёшь. Налево пойдёшь – могильный холмик найдёшь. Так он оказался в одной камере СИЗО с Майрбеком и светившим ему сроком – от трёх до семи лет за хулиганство по двести шестой статье. Отмазаться, сославшись на врождённое заболевание, не получилось, эксперты не стали заморачиваться и признали его дееспособным. В камере товарищеские отношения, прерванные службой в армии одного из них, вышли на новый уровень.

Через месяц затворничества Майрбека вывели из камеры на очередной допрос и привели в комнату, которая за это время стала для него родной. За решётчатым окном под самым потолком комнаты светило тёплое октябрьское солнце 1991 года. За столом сидел всё тот же матёрый следователь. Перед ним на столе лежала папка уголовного дела и знакомое до боли, в прямом смысле этого слова, вафельное полотенце.

– Ну что, не надумал говорить правду? – начал допрос следователь.

Майрбек молчал, неотрывно глядя на полотенце.

– Можешь молчать, вопрос по тебе уже решён, суда не будет.

Майрбек поднял глаза на следователя, впервые проявив интерес к разговору.

– Что смотришь? Решено тебя и твоих подельников отдать родственникам обиженного вами человека.

Майрбек испугался не на шутку. Он догадывался, какая участь ожидает его, попади он в руки родни этого терпилы[7], и вот мысли материализовались.

– А если я напишу чистосердечное признание? – спросил полушёпотом Майрбек. – Уж лучше срок мотать.

– Ладно, расслабься! А то всю комнату зассышь от страха, – ухмыльнулся следователь. – Тебе повезло. Джохар решил дать таким ублюдкам, как ты, амнистию. Для тебя есть одно «но». В республике создаётся президентская гвардия и вооружённые силы. Учитывая твою воинскую специальность, решено предложить тебе поступить на службу в полк полевой артиллерии. Согласишься служить республике и человеку, благодаря которому ты не будешь кормить лагерных вшей, – молодец. Откажешься…

– Я согласен! – заорал Майрбек, прерывая следователя.

Когда на кон поставлена свобода, будешь служить хоть чёрту, хоть дьяволу. Так Майрбек опять стал артиллеристом. Служил, хотя это громко сказано, в артиллерийском дивизионе, на вооружении которого состояли гаубицы Д-30, наводчиком орудия вплоть до ноября 1994 года. «Служба» не мешала зарабатывать на жизнь старыми методами, но на это уже никто не обращал внимания.

Хизар Дакаев, как и его товарищ, тоже не задержался к камере СИЗО, попав под «амнистию» Дудаева. Первое, что он сделал, оказавшись на воле, это решил наказать своего обидчика, русского соседа, благодаря заявлению которого его и закрыли в камере. Половину следующего за освобождением дня он просидел в укромном месте, наблюдая за входом в подъезд. Сосед, его жена и восьмилетний сын вернулись домой. Вечером Хизар стоял возле входной двери обидчика. Ничего не подозревающий сосед открыл входную дверь и сразу же был вырублен мощным ударом кастета в челюсть. На шум выбежала жена. Удар – и женщина лежит без чувств рядом с мужем. Толкнув ногою входную дверь и убедившись, что она закрылась на защёлку, Хизар схватил онемевшего от ужаса мальчишку и поволок в гостиную. Там он привязал его к столу, предварительно засунув тому кляп в рот. Бесчувственную женщину раздел и привязал к дивану, не забыв про кляп. Теперь обидчик. Решение подсказала шведская стенка, прикреплённая к стене в гостиной. Мужчина с голым торсом и спущенными до коленей штанами был подвешен на её перекладинах. Первой в сознание пришла женщина, через несколько минут очухался хозяин квартиры.

– Ну, что, свинья русская, не ожидал меня увидеть? – прошипел Хизар. – Сейчас я буду тебя резать.

Мужчина что-то пытался сказать, но кляп мешал говорить и дышать. Зверь, почуявший свою силу над беспомощной жертвой, был неумолим. Взяв на кухне самый большой нож, вернулся в гостиную, водя большим пальцем по остро заточенному лезвию. Не отвлекаясь на мычание мужчины, Хизар распорол тому живот, от лобка до грудины. На ковёр на полу гостиной вывалились кишки жертвы. К удивлению палача, русский не потерял сознание от боли, а, сделавшись мертвецки бледным, застонал. Из глаз потекли слёзы. Вторым на очереди был ребёнок. Изнасиловав мальчика под стоны и мычание родителей, Хизар одним движением ножа отрезал ему член вместе с мошонкой, после чего вытащил кляп и засунул отрезанные органы в рот потерявшему сознание ребёнку.

– Что, сучка, скулишь? – Хизар склонился над женщиной. – Своего русского выблюдка жалко? Вас, свиней, в республику никто не звал.

---

[7] *Терпила – потерпевший, пострадавший (жаргон).*

Подошёл к мужчине, отвесил тому пощёчину, взял за подбородок и, приблизив свою зловонную пасть к его лицу, прошипел:

– Не нравится? Смотри дальше, мразь!

Жестоко изнасиловав женщину, тем же самым ножом, которым кромсал её ребёнка и мужа, сначала отрезал ей груди, а потом голову. Взяв голову за волосы, подошёл к мужчине.

– А всего-то надо было тебе закрыть пасть и не совать своё свиное рыло куда не просили! Подыхай, собака! – Хизар смачно плюнул в лицо мужчины, пристроил отрезанную голову на стол рядом с мальчиком и вышел из квартиры, заперев входную дверь на ключ.

Мальчишка умер через несколько минут от потери крови, не приходя в сознание, а несчастный отец и муж, наблюдавший показательную казнь самых дорогих его сердцу людей, умер в агонии через два часа после ухода палача.

На следующий день Хизар вернулся с канистрой бензина, ещё раз посмотрел на дело своих рук, облил все комнаты и поджёг квартиру. Почуяв вкус крови и власти над жертвами, он сорвался с тормозов. Кровавые эпизоды злодеяний Хизара слились в большую, полноводную реку, кровавые воды которой уносили жизни русских, армян, в общем – «неверных». В начале 1992 года, когда в республике прокатилась волна нападений на воинские части и арсеналы вооружения, он урвал себе лёгкий бронежилет первого класса защиты и автомат Калашникова, который ему не понравился из-за своих размеров, мешающих скрытному ношению на дело. А вот бронежилет пришёлся по вкусу, в нём было спокойнее. К осени 1994 года Хизара можно было приравнять к серийному убийце, только в окружении Дудаева не было желающих наводить порядок в республике. В начале осени он стал обладателем пистолета-пулемёта «Борз»[8]. С этой «игрушкой» он и продолжал свои похождения до ноября 1994 года.

[8] *«Борз» – волк (чечен.).*

4

Утро 24 ноября не отличалось от утра предшествующих дней. Звонок будильника, умывание, завтрак и сборы на службу. За окном шёл снег, падая большими хлопьями. Зима окончательно взяла власть в свои руки. Столбик термометра больше не поднимался выше нуля градусов, а снег продолжал сыпать, укрывая всё вокруг своим одеялом.

Прошло больше двух недель, как Матвей подписал контракт. Нет ничего томительнее ожидания. Когда ждёшь наступления конкретной даты или события – это одно, а когда ожидаешь «леди Неизвестность» – другое. Но время шло, про него не вспоминали. Единственное, что напоминало о предстоящей командировке, это неразобранная сумка, а также конверт с письмом и деньгами, начавший замусоливаться в нагрудном кармане кителя.

«А может быть, в верхах что-то не срослось и всё отменяется? Баба с возу – так ей и надо!» – в очередной раз подумал он и вышел из квартиры.

Настроение было хорошим, шёл, насвистывая себе под нос какую-то мелодию. Дежурная машина приехала без опоздания. Окунувшись в тёплый полумрак кунга, увидел, что свободных мест нет – придётся ехать, согнувшись в три погибели.

– Чего стоишь в проходе, не видишь, тебе с заднего ряда машут? – толкнул Матвея в бок командир одного из мотострелковых взводов, Андрей Ильин.

– Значит, нам туда дорога, – Матвей похлопал Андрея по плечу. – А то я уже собирался к тебе на колени пристроиться.

– Размечтался! Иди, противный, пока дама не передумала.

Матвей и Андрей были друзьями детства, жили по соседству и учились в одной школе. Жизнь периодически разводила и сводила их, как бы проверяя дружбу на прочность. Они постоянно подкалывали друг друга. С чего это началось и как переросло в традицию, они не помнили. Но каждая их встреча непременно начиналась с безобидной шутки или розыгрыша.

Это махала Женя. Когда Матвей подошёл, она вскочила и предложила:

– Садись, а я к тебе на колени сяду.

Как бы неудобно было ехать, Матвей не посмел бы предложить то же самое девушке. Но раз уж предложение исходит от самой девушки – другое дело.

– Привет! – сказала Женя, устраиваясь удобнее на коленях Матвея. – Не тяжело?

– Привет. А ты уже села?

– Везёт же! Я тоже так хочу! – воскликнул Ильин, увидев довольные лица сослуживцев.

– Иди ко мне, малыш, я и тебя возьму, – Матвей призывно поманил его рукой. – Женя подвинется.

– Перетопчется! Я эгоистка и делить тебя ещё с кем-то – не собираюсь.

Он сделал вид, что не услышал сказанных слов. Не стал выяснять: когда это, скажите на милость, я стал вашей собственностью? В то же время он понял, что эти слова сказаны от души и идут от сердца девушки. «Вот это поворот! – подумал Матвей. – Чёрт побери! Эти слова дорогого стоят и звучат как признание в любви». Не найдя подходящих слов в ответ, обнял Женю за талию и прижал к себе. Душа пела от восторга – о таком начале дня он даже не мечтал.

Доехали до КПП бригады. Народ с шумом вывалился из тёплой будки автобуса и, пройдя через вертушку, отправился в свои подразделения. Матвей спрыгнул на землю и, резко развернувшись, подал Жене руку:

– Сударыня, разрешите вам помочь.

– Вы так обходительны, – вкрадчиво сказала Женя, очутившись на земле. – Идём?

– С тобой куда угодно.

Возле КПП частенько стояли гражданские автомобили, поэтому, проходя мимо машин, Матвей не обратил внимания на припаркованный возле ворот УАЗ-«буханку» светло-серого цвета с гражданскими номерами.

– Лейтенант Горбунов! – окликнули его.

Возле УАЗа стоял Михаил Иванович, в дублёнке до колен и в ондатровой шапке.

– Твою дивизию! – отрешённо буркнул Матвей, сдерживая отборные ругательства в адрес не вовремя появившегося контрразведчика. – Женя, ты иди, – нехотя разжал пальцы, отпуская руку девушки. – Это надолго.

– Всё хорошо? – она уловила раздражение кавалера, хорошее настроение вмиг улетучилось, уступив место тревоге.

– Иди, – Матвей подмигнул ей, натянуто улыбнувшись, и, не оглядываясь, подошёл к контрразведчику. – Здравия желаю. Я уж думал, что про меня забыли и всё отменяется!

– Доброе утро! Ну что вы, как можно? Просто вы и ещё несколько товарищей были в качестве запасных игроков. Вы играете в футбол?

– Нет, – всё ещё злясь, отрезал Матвей.

– Зря. Вас отобрали на случай форс-мажорных обстоятельств, и они настали. Но об этом позже. Через два с половиной часа с аэродрома вылетает борт, и нам нужно на него успеть. Я надеюсь, у вас всё готово?

– В принципе да. Только нужно уладить вопрос с командованием. Я же не могу вот так взять и уехать.

– Об этом не беспокойтесь, все вопросы относительно вашего отсутствия в части будут улажены. Я уже дал команду начальнику Особого отдела. Если вопросов больше нет, мы должны ехать. Вам ещё нужно переодеться и взять свои вещи.

– У меня есть десять минут? Мне необходимо кое-что взять в каптёрке.

– Время ещё есть, тем не менее поспешите, – ответил контрразведчик, посмотрев на часы.

Матвей рысью пронёсся по территории бригады, вбежал по лестнице на четвёртый этаж казармы и только теперь спокойно вошёл в расположение батальона.

– Дежурный по роте, на выход! – подал уставную команду дневальный и отдал воинское приветствие вошедшему офицеру.

– Отставить! Прапорщик Приходько в расположении?

– В каптёрке.

Матвей вошёл в каптёрку. Михалыч надевал утеплённую куртку, собираясь на построение.

– А, Матвейка, здравствуй! – как всегда радушно встретил Михалыч. – Как дела? Когда на охоту поедешь? Собирался, а всё на службе да на службе.

– Здравствуй, Михалыч, как раз сейчас уезжаю.

– Желаю удачной охоты.

– Спасибо! Слушай, ты человек надёжный, поэтому то, что я сейчас скажу и о чём попрошу, должно остаться между нами. Договорились?

– До-го-во-ри-лись, – протяжно ответил Михалыч, садясь на табурет. – Что-то ты темнишь, сынок.

– Пожалуйста, не перебивай, – Матвей достал из кармана конверт. – Я не знаю, какой будет официальная версия моего отсутствия на службе. Ты ничего не знаешь! Повторяю: ниче-го! Возьми этот конверт и сохрани у себя. Если со мной что-нибудь случится – отдай его лейтенанту Камарину, распечатав его, он сообразит, что делать дальше. Вот, кажется, и всё. Если что, не поминайте лихом, – закончил Матвей и протянул руку.

Потерявший дар речи Михалыч поднялся с табурета, взял конверт и положил его в нагрудный карман кителя, похлопал рукой по карману и сказал:

– Здесь надёжнее.

На протянутую руку Матвея не обратил внимания, а сгрёб его своими сильными ручищами и по-отечески обнял, после чего легонько оттолкнул и перекрестил.

– Ступай с богом, сынок, – сказал Михалыч, смахивая с глаза навернувшуюся скупую слезу.

Через двадцать минут Матвей уже открывал входную дверь квартиры. Быстро переоделся, сложил в сумку вещи, согласно приготовленной записке, лежащей поверх вещей. Ещё раз всё проверил, присел на дорогу и выбежал на улицу.

На военной площадке лётного поля стоял один-единственный самолёт, АН-26. Матвей сел в центральной части салона в районе несущего крыла, чтобы в полёте меньше ощущать болтанку. Поочерёдно запустились два турбовинтовых двигателя, самолёт дёрнулся и мягко покатился по рулёжным дорожкам. В салоне было шумно, но терпимо. Последний поворот и короткая остановка. Винты взвыли, и самолёт начал разгон по взлётно-посадочной полосе, быстро набирая скорость. Отрыв. Когда самолёт набрал высоту своего эшелона, Матвей расстегнул ремень безопасности, вытянулся в удобной ложбинке лавочек вдоль борта, свободного пространство было хоть отбавляй, положил голову на свою сумку и уснул.

Проснулся от того, что стал замерзать. Сел. В салоне было прохладно. Помассировав помятое лицо, переместился поближе к иллюминатору и пристегнулся ремнём, поняв, что самолёт снижается. Самолёт нырнул в облака и какое-то время летел, как «ёжик в тумане». Постепенно облака стали таять, под самолётом появился просвет, и вот облака уже над самолётом и стремительно уносятся вверх. Картина, открывшаяся внизу, напоминала топографическую карту крупного масштаба. Небольшие населённые пункты с чётко очерченными границами, поля и рощицы, разделённые друг от друга паутиной дорог. Земля медленно приближалась, очертания предметов и объектов становились чётче, и вот уже можно различить отдельные дома, машины и людей. Приземлились. Матвей с облегчением выдохнул, радуясь окончанию полёта. Последний разворот на месте и остановка, винты остановились, и теперь на уши стала давить непривычная тишина. Из кабины пилотов вышел борттехник.

– Ну что, не замёрзли? – обратился он к пассажирам. – Наш самолёт произвёл посадку на авиабазе города Моздока. Температура наружного воздуха пять градусов тепла. Командир корабля и экипаж прощаются с вами. Не забывайте багаж и ручную кладь. Спасибо, что воспользовались услугами нашей авиакомпании, – выдал заготовленную фразу борттехник, пока опускалась аппарель.

Народ медленно потянулся на выход. Матвей спустился по сходням аппарели, поставил сумку и потянулся – от длительного неподвижного лежания и сидения затекли мышцы. Только сейчас, при свете дня, ему удалось рассмотреть тех людей, с кем прилетел. В своей бригаде он их не видел. Все пятеро были примерно такого же возраста, как и он. Держатся особняком, значит, друг с другом не знакомы.

А вот контрразведчик сразу же попал в радушные объятия какого-то кавказца, появившегося возле самолёта в сопровождении военного в звании капитана. Перекурив, Михаил Иванович подозвал прилетевших с ним «туристов» и сказал:

– Товарищи, сдайте документы, удостоверяющие вашу личность. Не волнуйтесь, так надо, – успокоил он, уловив недоумённые взгляды людей. – Они будут храниться в отделе контрразведки Моздока. Разрешается оставить именные медальоны.

Матвей нехотя достал из нагрудного кармана удостоверение личности и передал его капитану. То же самое сделали остальные.

– У всех собрали? – спросил Михаил Иванович у капитана.

– Так точно!

– Хорошо. Вы свободны. А вы берите свои вещи и продолжим наше путешествие.

Кавказец привёл их на вертолётную площадку. Подойдя к одному из вертолётов, остановились. Это был транспортно-штурмовой вертолёт МИ-8. Разместились на лавочке вдоль правого борта, а сумки побросали на мешки и коробки, которыми было завалено всё внутреннее пространство салона.

– Все? – спросил борттехник вертолёта.

– Да, можно лететь, – ответил ему кавказец.

Борттехник поднял лестницу и закрыл сдвижную дверь…

Полчаса полёта показались вечностью. Вертолёт приземлился на окраине села Знаменское.

«Нет, уж лучше по травке, по земельке, ножками, – думал Матвей. – Хорошо, что я никогда не хотел быть лётчиком».

– Можно выходить, – сказал борттехник, выпрыгивая из вертолёта на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.